
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ*Ускова Екатерина Викторовна**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Рациональность как сугубо человеческий феномен, особенности и характеристики которого изучаются социальной антропологией, рассмотрена нами с помощью понятий формы и содержания. Также установлена связь рациональности с реализмом и релятивизмом. Выявлено, что иррациональность может пониматься как свое-иное рациональности, выступая как неотъемлемая часть человеческого мышления вообще. Проведено различие между теоретической и практической рациональностью, а также выявлено содержание категоризации как мыслительной процедуры. Классики философии и психологии характеризуют человеческие действия как рациональные в силу их осмысленности, наличия цели и плана ее достижения. Представители современной философской и психологической мысли говорят об ограниченности человеческой рациональности и даже прямо высказывают сомнения в наличии связи между осознанностью (наших мыслей, желаний, действий) и рациональностью. Осознанность может пониматься как отдельная функция, возникающая дополнительно по отношению к нашим психическим состояниям. Действительно ли все, что мы делаем, намереваемся сделать или о чем думаем, есть результат предварительного осознания и соответствующего обдумывания, а может, многие психические процессы происходят автоматически и осознаются нами задним числом? В этой связи закономерен вопрос о соотношении рациональности и осознанности: рациональность — это внутреннее свойство нашего мышления, присущее ему изначально, либо она возникает после осознания самого предмета, о котором мы мыслим.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, реализм, релятивизм, категоризация, осознанность, психологические состояния.

ABOUT THE RATIONALITY OF THE HUMAN THINKING*Ekaterina V. Uskova**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

Author considers rationality as a special human phenomenon, features and descriptions of which are studied by social anthropology, through the concepts of form and content. Article also describes connection between rationality, realism and relativism. Irrationality may be understood as «self-alien» of rationality and as inalienable part of the human thinking in general. There is shown a differ between theoretical and practical rationality. Also author considers categorizing as cogitative procedure. The classics of philosophy and psychology characterize human actions as rational if they have aim, plan of action, and if they were reflexed. Modern psychologists and philosophers consider that human rationality has limits and even doubt that rationality correlates with consciousness (our ideas, desires, actions). Consciousness may be understood as separate function, which appears in addition to our mental conditions. These reasons cause a question about rationality of human behavior and thinking. Are all our actions, intentions, thoughts a result of preliminary consciousness and reflection or maybe many mental processes occur automatically and recognized by us in hindsight? Because of it we have a question about connection between rationality and consciousness: what is rationality? is it a priori attribute of our thinking or it appears after the realization of the object of which we are thinking about?

Keywords: rationality, irrationality, realism, relativism, categorizing, consciousness, psychological states.

Изучению проблем природы, характеристик, границ и способов определения рациональности посвящено множество философских исследований. И в разные

исторические эпохи мыслители выделяли разные ключевые черты и стороны рациональности. Но так или иначе рациональность всегда привлекала вни-

мание как исследовательская проблема. Это связано с тем, что люди, однажды создав сферу культуры, продолжают постоянно видоизменять ее, а она, в свою очередь, изменяет их. Соответственно меняется и восприятие основных параметров, отличающих человека от всего остального мира. Одним из таких параметров как раз и выступает рациональность. На рубеже XX и XXI вв. люди столкнулись с новыми проблемами, ставшими порождением современной цивилизации. Процессы, происходящие в социальной жизни людей, зачастую оказывают непосредственное влияние как на науку, так и на стандарты научного исследования. Поэтому в естественных, а особенно в гуманитарных науках появляются идеи, отвергающие или ставящие под сомнение методы рационального научного мышления. Пересматриваются сами стандарты и определения рациональности. Новая культурная и социальная ситуация делает необходимым исследование природы и выявление характеристик рациональности, наиболее плодотворное выявление которых, на наш взгляд, возможно при сопоставлении ее с такими понятиями и феноменами, как реализм и релятивизм.

Ранее мы подробно рассматривали эти понятия и поэтому приведем лишь их определения [1]. Нами было установлено, что реализм — это название комплекса представлений о мире, которые, с одной стороны, постулируют существование окружающего мира — онтологический реализм, а с другой — возможность познания этого мира таким, каков он есть, — гносеологический реализм. Релятивизм — теоретическая позиция, которая исходит из принципиального многообразия мира и способов его описания, ни один из которых не является предпочтительным по отношению к другому. Это происходит потому, что релятивизм ставит под сомнение критерии оценки, а истина перестает играть ведущую эпистемологическую роль в процессе познания. Поэтому разные теории и сферы культуры признаются как равноправные, а результаты научных, религиозных и иного рода изысканий как равноценные. Рациональность мы будем понимать как форму мышления, позволяющую целенаправленно организовывать мир опыта, обладающую универсальностью (как формальная рациональность) и выраженную в уникальном содержании (определяемом в зависимости от культурных, исторических, социальных и иных условий).

Итак, мы полагаем, что рациональность связана как с понятием реализма, так и с понятием релятивизма. Однако такая точка зрения оказывается нетрадиционной и весьма спорной. Традиционное соотношение понятий реализма и релятивизма по отношению к рациональности требует введения еще одной противоположности — иррациональности. Тогда мы имеем классическое противопоставление реализма

как рациональной позиции релятивизму как позиции иррациональной. Представление о том, что существует реальность и мы имеем непосредственный доступ к ней и можем однозначно ее понять, рационально по своей сути (при этом даже не важно, будем ли мы стоять на позициях кантианства или ее отвергнем). Взгляд на реальность как принципиально множественную по своей природе и в силу этого сопротивление ее однозначному прочтению и истолкованию ведет к неизбежной релятивизации истины и зачастую оказывается иррациональным.

Такое понимание рациональности и истины берет свое начало в античной философии. Аристотель говорит о целевой причине вещи, полагая, что настоящий научный и философский поиск связан с ее отысканием. Рациональность проявляет себя через желание упорядочения знаний об этом мире, а истинный метод познания заключается в поисках причин всего происходящего в мире. С этого момента и вплоть до настоящего времени цель становится определяющей категорией научного поиска. Но она также определяет содержание понятия рациональности. Шаг в этом направлении сделал М. Вебер, когда классифицировал человеческие действия. Он выделил категорию целерациональных действий, считая их наиболее осознанными и достойными изучения с точки зрения науки социологии. Он полагал, что рациональный человек — это тот, кто знает как причины, так и цели своих поступков, он действует в соответствии с рациональными установками [2].

Всегда ли люди осознают причины совершаемых ими поступков, а также их глубинные основания? Это один из вопросов, ответить на который помогает антропологическая наука. Под ней мы в данном случае будем понимать комплекс дисциплин, в который входят такие области, как философская антропология, социология, сравнительное языкознание, археология, семиотика, этнография, этнология, а также то, что в зависимости от сложившейся в разных странах традиции получило название культурной или социальной антропологии. Эта наука занимается поиском и анализом причин и следствий так называемого «культурного поведения» людей, всего того, что обусловлено нашим социальным окружением и культурой. Эта наука находится на этапе становления, что обусловлено как самим неохватным предметом исследования (общество и человек), так и процессом складывания самой дисциплины в нашей стране. В этих условиях рассмотрение феномена рациональности как неотъемлемой части человека и общества представляется весьма актуальным.

Социальная антропология как наука начиналась с работ представителей английской школы эволюционизма Э. Тайлора и Дж. Фрезера. Эти ученые занимались сбором и сравнительным анализом много-

численных сведений о народах, с которыми столкнулись европейцы в эпоху Великих географических открытий и последовавшей за ними колонизации. Европейцы были действительно под впечатлением от «дикарей», как их назвал Ж.-Ж. Руссо, и полагали, что те находятся на предшествующей стадии развития по сравнению с так называемыми цивилизованными людьми и их мышление и логика «не доросли» до европейских стандартов. Позднее такая позиция была расценена как «европоцентризм», однако она побудила к более тщательному изучению нестандартной логики и рациональности.

Так, Л. Леви-Брюль пишет основательную работу под названием «Первобытное мышление» [3], в которой анализирует особенности и черты мышления первобытных людей. Он называет их мышление «пралогическим», указывая при этом, что имеет в виду не то, что оно алогичное, и не то, что «хуже», чем логическое. Дело в том, что такое мышление связано с особой категорией, название которой Леви-Брюль заимствует у Э. Дюркгейма, — «коллективные представления». Именно они лежат в основе и организуют мышление людей. Коллективные представления — это некоторые образы, которые имеют яркую эмоциональную окраску и оказывают влияние на человеческие действия. Они не осознаются людьми, поэтому в них нельзя усомниться, но, несмотря на это, организуют их сознательное восприятие реальности и способности взаимодействия с ней.

Отсюда Л. Леви-Брюль заключает, что мышление первобытных людей обусловлено коллективными представлениями, иррациональными по своей природе, поэтому оно пралогическое: люди верят в духов и души, в способность излечиваться с помощью симпатической магии, в силу слов и вещей, если их использовать в заклинаниях и обрядах. Иррациональными эти верования и действия могут быть только с точки зрения нашей рациональности, основные черты которой можно описать с помощью законов формальной логики (которая потому и формальная, что отвлекается от содержания). Но рациональность человеческая всегда обусловлена конкретным содержанием, в то время таковым выступали «коллективные представления» или нечто подобное им. И поэтому действия людей были вполне рациональны и не могли быть иными. Они, наоборот, удивлялись тому, как вели себя европейцы, не могли их понять.

Но и сами европейцы не всегда мыслят рационально. К такому заключению пришел Дж. Лакофф в своей работе «Женщины, огонь и опасные вещи» [4]. В ней он характеризует процедуру человеческого мышления под названием категоризация. Сравнивая языки австралийских аборигенов с английским, он приходит к выводу о том, что процесс родо-видового членения мира, которым и является ка-

тегоризация, не всегда проводится с соблюдением всех законов и принципов формальной логики. Человеческий разум вовсе не использует язык для «расчленения» реальности согласно понятиям, которые у нас есть. Наше мышление — это творческий процесс, а категории — это классы, включающие в себя подчас совсем разнородные понятия, часто связанные друг с другом лишь по какому-то одному признаку. Категория, полагает Дж. Лакофф, обладает центром — более или менее определенным с точки зрения понятий и логики — и периферией, которая определена менее строго. И такого рода способ категоризации вовсе не свидетельствует об иррациональности нашего мышления, ведь всегда есть способ связи между понятиями внутри категории, просто он иной.

Заметим, что категоризация как процедура организации наших знаний о мире проявляет себя не только в языке, категории которого часто образуются без нашего сознательного участия, но и в процессе рациональной деятельности ученого. Одним из разделов любой науки является методология. Методолог систематизирует и упорядочивает материал, накопленный в результате непосредственного научного поиска, тем самым он занимается либо классификацией, т.е. сортировкой согласно родо-видовым различиям, либо типологией — т.е. сортировкой в соответствии с центрально-периферийным принципом, обозначенным нами выше. Таких взглядов придерживается один из самых видных российских археологов М.С. Клейн [5].

Когда мы говорим о рациональности, то необходимо понимать, что есть рациональность теоретическая — то, как мы мыслим, и рациональность практическая — то, как мы действуем. При этом интересно, что не всегда наши действия будут «целерациональными». Так полагает Дж. Сёрль, написавший работу «Рациональность в действии» [6], в которой он анализирует механизм практической рациональности. Он полагает, что человек не является автоматом, машиной, а поэтому его рациональность иная, человеческая по своей природе. Наше поведение определяется не только целями, но и множеством внешних и внутренних факторов. Процесс от осознания того, что нам надо что-либо сделать, до реального воплощения сталкивается с препятствиями, с тем, что Дж. Сёрль называл «разрывами». Всего их три:

1. Между причиной, побуждающей нас принять решение, и самим решением. Наш выбор может быть результатом как рациональных, так и в равной степени иррациональных доводов и побуждений.

2. Разрыв между решением и действием. Нам необходимо что-либо сделать, но действие часто откладывается без видимых на то оснований.

3. Разрыв между началом действия и его завершением. Мы можем начать реализовывать задуман-

ное нами, но не закончить. И этот разрыв тоже обусловлен тем, что мы — люди и на нас могут оказывать влияние различные мысли, чувства, эмоции, фобии и т.д. Либо мы попросту можем «рационализировать» причины наших поступков или нашего бездействия, скрывая от самих себя их истинные основания.

Альтернативный взгляд на рациональность, которая не противопоставляется иррациональности, а включает ее в себя как свое-иное, является более продуктивным. Тогда позиции реализма и релятивизма будут выступать как в равной мере рациональные и осмысленные.

Изучение рациональности как одной из отличительных характеристик человеческого мышления и действий также связано с таким понятием, как осмысленность, а вернее, осознанность. Из вышеприведенных рассуждений Дж. Сёрля становится понятным, что люди не всегда доводят задуманное до конца и часто не осознают истинные причины и цели своих поступков. В случае попыток осознания своих желаний и соответствующих им поступков человек может сделать свое поведение более осмысленным для себя и для окружающих. И здесь ему опять же в значительной степени помогает рациональное мышление. Одним из его признаков мы считаем логику. В данном случае мы понимаем логику как умение делать выводы из некоторых посылок, при этом отвлекаясь от содержания (истинности или ложности) этих посылок. Именно так выглядит формальная логика.

Но если мы привнесем человеческий (антропологический) фактор, то необходимо определить особенности человеческой логики и рациональности и соответствующего им поведения. В своей жизни человек руководствуется множеством требований, исходящих извне, и множеством желаний, исходящих изнутри. Попытка соотношения и согласования того и другого и будет проявлением нашей индивидуальности. Рациональность человека проявляется в том числе и как умение согласовать между собой желаемое и действительное. Но вне зависимости от того, насколько хорошо это получается у каждого конкретного человека, он проявляет себя как существо рациональное, т.е. умеет делать выводы из посылок (пусть и не всегда верные) и руководствоваться ими в своем поведении.

Но здесь необходимо учесть еще одно обстоятельство. Рассуждения и действия человека можно рассматривать исходя из двух точек зрения: внутренней и внешней. Внутренняя точка зрения предполагает осведомленность человека о своих действительных желаниях, намерениях, целях и последующих действиях. В этом случае поведение человека может быть осмысленным для него самого, но не всегда для окружающих. Внешняя точка зрения

предполагает, что не только сам человек, но и все остальные люди понимают, что и почему он делает. Если таких людей большинство, мы расцениваем данного человека как мыслящего и действующего рационально.

Но эту простейшую схему необходимо скорректировать как минимум в двух моментах. Во-первых, не все истинные мотивы и желания человек осознает, а значит, не всегда поступает так, как «собирался», «хотел» и т.д. Во-вторых, не всегда окружающие нас люди знают, почему мы поступаем определенным образом или выносим то или иное суждение. Это приводит нас к мысли о неустранимых ограничениях, которые накладывают обстоятельства на конкретного человека. Именно об этом говорил Г. Саймон, имея в виду идею ограниченной рациональности. Он применял эту идею для характеристики экономического поведения человека, подразумевая, что человек как экономический агент не может знать в данный конкретный момент времени и пространства об изменениях всех переменных, которые могли бы повлиять на его решение в экономической сфере (покупка, продажа, аренда, заём и т.д.). Но рациональность человека ограничена не только в экономической сфере, но и в любом другом отношении. Человек не является всезнающим богом и действует всегда в конкретных обстоятельствах и руководствуется определенными идеями.

И если мы примем во внимания все те ограничения, которые обозначены нами, то станет очевидным, что человеческая рациональность будет лишь проявлением рациональности вообще, как некоторого эталона, на который мы ориентируемся, да и то не всегда. Кроме того, мы не должны забывать о влиянии эмоций, чувств и аффектов на поведение человека. Мышление, а особенно действия любого, даже самого рационального человека всегда корректируются его эмоциями.

Исследование проблемы рациональности и человеческого мышления связано также с вопросом о необходимых предпосылках мышления как такового. И тогда мы неизбежно должны говорить о сознании как высшем уровне развития психики. Сознание — это база, на основе которой становится возможным группировка и объединение в единое целое различных данных чувственного восприятия, памяти, внимания, воображения и мышления. Информация об окружающем мире обрабатывается головным мозгом, который соответствующим образом реагирует на нее и отдает необходимые команды. Скоординированная работа всех отделов головного мозга представляет собой одну из сложнейших загадок, ответы на которую ищут специалисты самых разных областей знания. Но не меньшую, если не большую, загадку представляет собой не столько физиологическая сторона процесса, сколько психо-

физиологическая, т.е. феномен сознания как такового. Проблема сознания — обширная и очень интересная область исследования. В рамках данной статьи мы коснемся лишь одного ее аспекта, а именно вопроса об осознанности или неосознанности многих психических процессов. Уже в конце XIX в. психологи установили наличие физиологического порога восприятия, т.е. границы, которую преодолевают отнюдь не все стимулы. Некоторые из них регистрируются рецепторами организма, но данные о них не поступают для обработки в головной мозг, поскольку оказываются слишком незначительны. Д. Розенталь пишет в своей статье «Сознание и его функция» [7] об осознанности таких психологических состояний, как восприятие, мышление и действие. Он приводит ряд примеров, чтобы показать, что все эти (и другие) состояния сознания могут быть как осознаваемыми, так и не осознаваемыми человеком. И именно в этом смысле осознанность понимается как дополнительная функция, которую приобретают эти состояния сознания. И он обращает внимание именно на их возможность осознания как следствия биологической эволюции. Зачем человеку необходимо осознание тех психических процессов, которые могут проходить и часто проходят без нашего участия и нашего осознания?

Более того, Розенталь настаивает на том, что осознанность не является отличительной чертой нашего мышления. Рациональность нашего мышления не предполагает его осознанности. Речь идет, например, об исследованиях поведения человека в случае необходимости выбора (покупка товара, предпочтение чего-либо и т.д.): выбор людей оказывается более рациональным в том случае, если они осуществляют его быстро и без лишних размышлений, нежели в том случае, когда сознательно обдумывают свои действия и их необходимость.

«Рациональность — это функция от интенционального содержания, а не следствие осознанности. Даже если наше мышление рационально, у нас нет никакой причины для утверждений о том, что осознанность мышления добавляет к нему хоть что-то дополнительное. Даже если наши мысли и желания сознательны, рациональные связи между ними возникают в основном или главным образом благодаря предрасположенности иметь некоторые причинные связи с другими мыслями и желаниями, а вовсе не благодаря их осознанности» [7, р. 832]. Данное высказывание свидетельствует о различии между понятиями «рациональность» и «осознанность», рациональное мышление полагается возможным без обязательного осознания предмета мышления. Рациональность в таком случае становится внутренней характеристикой человеческого мышления, а осознанность выступает как дополнительная характе-

ристика (или функция), смысл которой и пытаются выявить Розенталь.

«Наши желания осознаются только после того, как они у нас появились» [7, р. 833]. То же самое можно сказать о наших мыслях и действиях. Осознание происходит в момент вербализации наших мыслей и желаний. Однако надо всегда помнить, подчеркивает Розенталь, что только теоретически подготовленный человек может дать подробный отчет о своих действительных мыслях и желаниях, обычным людям это не свойственно. Кроме того, не нужно забывать и о животных, которые способны к осознанию своих восприятий и ощущений, хотя и не могут о них сказать.

Итак, мы отстаивали тезис о том, что при описании рациональности возможна ее характеристика с точки зрения формы и содержания. Так называемая формальная рациональность будет соответствовать универсальной форме, в то время как ее содержание будет всегда уникальным. Таким образом, мы полагаем, что может существовать множество видов рациональности, которые будут зависеть от исторического этапа, типа деятельности, сознания и т.д. То есть форма рациональности воспроизводит себя в различных видах, имея в себе нечто, что воспроизводится снова и снова, несмотря на изменение содержания. Такая трактовка рациональности позволяет нам, с одной стороны, объяснить, почему мы можем понимать людей, которые жили сотни лет до нас (используя различные исторические данные), а с другой стороны, с совершенной очевидностью констатировать те отличия, которые приобрела современная рациональность.

Рассмотрение рациональности человека всегда должно исходить из антропологической точки зрения, учитывать ограничения и особенности, которые накладывает на нее носитель этой рациональности — человек. Отсюда и ограниченность рациональности историческими рамками, конкретной ситуацией, эмоциями, степенью осознанности и многими другими факторами. Рациональность выступает как одна из характеристик нашего мышления, но она никогда не должна рассматриваться абстрактно, в отвлечении от конкретного содержания наших мыслей, желаний и поступков. Осознанность может пониматься как вторичная характеристика, дополнительная к мышлению, которое будет рационально по своей внутренней природе, либо как первичная — необходимо осознанное представление о предмете мысли. Только на его основе может осуществляться рациональное мышление как таковое. Вторая точка зрения считается традиционной, но аргументы в пользу первой также заслуживают внимания.

Разграничение понятий рациональности и осознанности, с которым связаны последние научные открытия в области изучения головного мозга, пред-

ставляют сложность не только для таких традиционных областей психологии, как психология воли или психология эмоций, но также и для целого ряда антропологических дисциплин и, конечно же, для философии. Появляется много вопросов не только по поводу содержания понятий, обсуждавшихся нами в статье (мышление и рациональность), возникают дополнительные вопросы, такие как «Есть ли свобода воли?», «Кто на самом деле принимает решения: мозг или человек?», «Каков статус морали и нравственности?» и др. Все эти фундаментальные вопросы, разумеется, требуют специального исследования в рамках междисциплинарного подхода.

Список литературы

1. Ускова Е.В. Рациональность в контексте проблемы реализм/релятивизм: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.
4. Лаккофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории мышления говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
5. Клейн М.С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // STRATUM plus. 2000. № 1. С. 485–515.
6. Сёрль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.

Об авторе

Ускова Екатерина Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4531-7285

7. Rosental D.M. Consciousness and its function // *Neuropsychologia*. 2008. Vol. 46. P. 829–840.

Получено 21.02.2016

References

1. Uskova E.V. *Ratsional'nost' v kontekste problem realizm/relativizm: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Rationality in the context of problem realism/relativism: author's abstract on procuring the degree of candidate of philosophy]. Ekaterinburg, 2005, 24 p. (In Russian).
2. Weber M. [Basic concepts in sociology]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russian).
3. Lévy-Bruhl L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994, 602 p. (In Russian).
4. Lakoff G. *Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi. Chto kategorii myshleniya govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow, Gnosis Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
5. Kleyn L.S. [Archaeological Periodisation: Approaches and Criteria]. [STRATUM Plus]. 2000, № 1, pp. 485–515. (In Russian).
6. Searle G.R. *Ratsional'nost' v deistvii* [Rationality in action]. Moscow, Progress-tradition Publ., 2001, 336 p. (In Russian).
7. Rosental D.M. Consciousness and its function. *Neuropsychologia*. 2008, vol. 46, pp 829–840. (In English).

The date of the manuscript receipt 21.02.2016

About the author

Uskova Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Human Resources Management and Psychology

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4531-7285

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ускова Е.В. О рациональности человеческого мышления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 57–62. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62

Please cite this article in English as:

Uskova E.V. About the rationality of the human thinking // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 57–62. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62